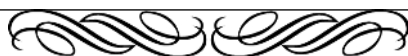

Предисловие

Я завидую тем авторам, которые пишут книгу за книгой. У меня так не получается. Ведь стихи — это особенное состояние души. Оно зависит от многого. Например, я очень часто езжу с концертами. А в других городах мне не пишется. Только в Москве. Ни за границей, ни на даче, ни на природе, каким бы не был красивым окружающий пейзаж, как ни старайся, ничего в голову не приходит. А вот в Москве — пожалуйста! Что это за загадка такая? Сажу дома, за окном шум — дети кричат во дворе, машины ездят, за стенкой у соседки телевизор на всю мощь. А мне хорошо, и ничего не мешает, только успевай, записывай.

А вот недавно я решила прочитать все, что написала. Честно говоря, бывали моменты, когда я, читая, забывала, что это написано мной самой.

И кое-что мне определенно понравилось. Я очень надеюсь, что тот, кому попадет в руки эта книжка, найдет в ней какие-то важные для себя строчки. И может быть, кому-то станет легче на душе, кто-то вспомнит давно забытое, погрузит и порадует вместе со мной. Я-то, конечно, желаю, чтоб побольше радовались, если это получится. Вернее, если у меня это получилось. По крайней мере, я старалась.

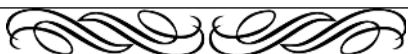

А потом все сначала

*Ты обещал прийти
Около десяти.
Десять, двенадцать, час,
Так и не дождалась.
Я не спала всю ночь.
Я сочиняла речь –
Все, уходи ты прочь,
Больше не будет встреч.*

*А потом все сначала –
Я ждала и скучала,
Прогоняла, прощала
И назад возвращала.
А потом все сначала –
Что-то в трубку кричала,
И на стрелки смотрела,
И ревела, ревела...*

*Снег так похож на дождь,
С правдой похожа ложь,
Занят, долги, дела,
Сердце тоска свела.
Город ночной – мой враг,
Как же ты можешь так,
Ты же не изменял,
Ты предавал меня.*

*А потом все сначала –
Я ждала и скучала,
Прогоняла, прощала
И назад возвращала.
А потом все сначала –
Что-то в трубку кричала,
И на стрелки смотрела,
И ревела, ревела...*

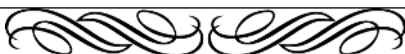

Я так давно существую публично...

Я так давно существую публично, что всем кажется: «Она такая безоблачная! Такая счастливая!» Ко мне часто подходят зрительницы и спрашивают: «А вы когда-нибудь плачете?» Плачу! Плачу, дорогие женщины! Ничего из того, что есть у каждого человека в жизни — депрессии, страдания, радость, счастье, — не обошло и меня...

Есть истории, о которых мне страшно вспоминать даже наедине с собой, есть истории, от которых мне неловко, а есть истории, которые мне очень хочется рассказать, но мои герои, известные люди, наверняка не помнят даже, как меня звали. Дело в том, что с именем известной поэтессы Ларисы Рубальской я живу последние двадцать лет. А тогда, можно сказать, я стояла в третьем ряду миманса, где-то с краю. Это теперь я перешла поближе к авансцене...

Мои сердечные истории начались очень рано. Я не знала, буду ли когда-нибудь заниматься поэзией, но в школе мои песенки распевали все: «Было мне тогда двенадцать лет всего, я случайно посмотрела на него». Песенка про мою неразделенную школьную любовь пелась с легким модным иностранным акцентом. Одноклассник

Славик был моим героем много лет. А я его, увы, не интересовала. Ну не любят мальчишки девченок, которые в них влюбляются без памяти. Бедному Славику было совсем не до этого, зато во мне бушевали страсти взрослого человека. Все свое время я тратила на то, чтобы придумать, как признаться в любви моему однокласснику. Повод скоро представился. Однажды мы пошли с учительницей в поход. Я потихоньку стащила у мамы китайскую кофту «Дружба», в ней я собиралась признаться в своих чувствах. Я специально подстроила, чтобы меня со Славиком назначили дневалить у костра. Заранее выучила любовный отрывок из «Мцыри», нарядилась в кофту, и мы заступили на вахту. Но отрывок зачитать я так и не успела, потому что сразу же предательски заснула. А проснулась оттого, что мне сильно жгло спину. Гляжу — на мне мамина выходная кофта полыхает! Пока я каталась на спине, чтобы потушить пламя, мой герой сидел в кустах с мальчишками и от души смеялся. Оказывается, когда я заснула, он тихонько подвинул меня ближе к костру. Но его коварный поступок не загасил огонь любви, и я стала придумывать, как же все-таки мне ему признаться. Прошло время. Мы учимся в восьмом, я продолжаю вздыхать по Славику.

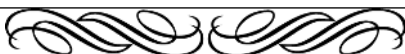
Я стерегла его у школы и ходила за ним повсюду, позвякивая двухкопеечными монетами для телефона-автомата. Звонила ему без конца, меняя голос, а он швырял трубку. Я его совсем измучила — он меня просто возненавидел! Но я не потеряла надежды. Для новогоднего школьного вечера я придумала аттракцион: обладатели одинаковых половинок разрезанной открытки танцуют вместе (как вы понимаете, надежды, что он меня

пригласит, не было никакой!). У меня со Славиком, естественно, оказалась открытка с ландышем, и мы закружились в танце.

А в то время на экранах кинотеатров шел популярный фильм «Мистер Питкин в тылу врага». Там была очень смешная сцена со взрывающимися сигаретами. И мой любимый, разгадав секрет бомбы — смесь красного фосфора с бертолетовой солью, — подготовил мне сюрприз. Я в упоении танцую и не замечаю, что Славик потихоньку задвинул меня в угол и... вдруг раздался взрыв! Ужас был в том, что я тайком взяла у мамы колготки. Мало того что я шла по морозу домой с красными от ожога ногами, так еще и в рваных единственных маминых колготках... Но и на этом я не остановилась! Мы заканчивали школу. Славик уже так со мной не шутил, вроде бы перестал увиливать от встреч и даже однажды согласился покататься вместе на лодке на ВДНХ. На свидание я собиралась, как на свадьбу: крахмалила нижние юбки так, что они у меня стояли, словно пачка у балерины! Мой кавалер забил веслами по воде, и только я приготовилась наконец прочитать «Мцыри», как оказалась под сильными струями фонтана, куда он специально направил лодку. Он от души смеялся, глядя, как моя прическа съехала набок, а крахмальные юбки обвисли. Тут моя любовь и закончилась!

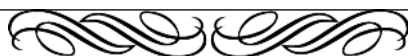
Но я по-прежнему мечтала кому-нибудь когда-нибудь прочитать отрывок из «Мцыри», мечтала о большой любви и чтобы мой избранник умел складывать слова в прозу или стихи — не важно. Мне всегда мерещилось, что я выйду замуж за поэта или писателя, желательно известного! Но

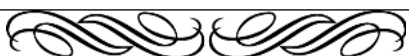
пути в этот недостижимый мир у меня не было. А еще преследовал страх, что даже если встречу Его и у нас вспыхнет любовь, он... забудет спросить, как меня зовут! Я так долго об этом думала, что как только герой, о котором я столько мечтала, ненадолго возник в моей жизни, первое, о чем я ему сказала, было: «Не забудьте, меня зовут Лариса Рубальская!» Но это в моей жизни случилось позже, а пока я искала себе жениха.

После школы я училась заочно в педагогическом институте и работала машинисткой в Литературном институте. Мой оклад был сорок два рубля. Я долго думала: много это или мало? Пока меня кто-то не успокоил: «Ты что, старуха, это классно! Директор Ваганьковского кладбища столько не получает!» Я поняла, что поймала удачу за бороду. Так как в Литературном институте можно было встретить известного писателя! Да, можно было. Но мне он не успел встретиться. Проработала я там... целых двадцать два дня. Двенадцать из них провела на овощной базе. Там я успела проявить свой недюжинный ум, придумав новый способ разгрузки арбузов. Это очень ускорило процесс разгрузки, и мне написали на первой странице трудовой книжки благодарность за рацпредложение. Правда, я больше интересовалась окружающими писателями, а не скучными приказами, которые приходилось печатать. У меня ведь была светлая мечта, поэтому я пожирала глазами каждого нового посетителя. Но пожилая машинистка, сидевшая за соседним столом, о моей мечте не знала и однажды громко обозвала меня бранным словом. Меня, совершенно безгрешного ангела, это страшно оскорбило. Я схватила стоявший на окне приемник «Рекорд» и долбану-

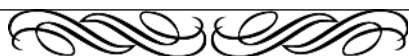

ла машинистку по голове. Ей повезло: приемник был старый и у него не было внутренностей, а иначе за свой поступок пришлось бы дорого ответить. На следующий день я на работу не вышла и отправилась искать мечту в редакции журнала «Смена». Там я продержалась много лет и, работая тоже машинисткой, ходила как сомнамбула, потому что любой, кто появлялся в нашем предбаннике, был «небожителем»! Я печатала известным писателям и поэтам командировочные удостоверения и с каждым из них представляла себя в фате. Но никто на меня, скромную машинистку, особенно не обращал внимания. И по воле судьбы не «небожитель» зацепил крылом мою жизнь, а телефонист, который пришел в редакцию починить телефон. Телефонист был моим опасным заблуждением, на которое я потратила несколько лет жизни... Он, как и писатели, умел «складывать слова» очень бойко, но... только матерные! А знаки препинания расставлял при помощи своих кулаков. Он так ловко выбивал из меня мои «улеты», что я только успевала уворачиваться. А пошла я на это дело из страха... остаться в старых девах, хотя мне было всего девятнадцать. Мои школьные подружки одна за другой повыскакивали замуж, кое-кто уже родил ребенка, а я все в поиске. В это время я попадаю в больницу. Мне сделали операцию на почке, располозовав мою талию. Однажды я услышала разговор двух теток, соседок по палате. «Бедная девка, — сказала одна. — Ну кто теперь ее замуж возьмет?» «Да-а, — подхватила другая. — С таким-то безобразным швом!» И в моей голове зародился страх: «Действительно! Ну какой теперь писатель такую уродину полюбит? Как только выйду

из больницы, выскочу замуж за первого встречного!» А первый встречный тут как тут — сидит с авоськой витаминов и готов хоть завтра жениться. Вот я и пошла за телефониста. Как меня, умную и возвышенную барышню, угораздило так «вляпаться», не понимаю! Словом, сработал вечный принцип — любовь зла, полюбишь и козла. Мое замужество можно было определить словами одной известной песенки: «Повстречались как-то раз эскимос и папуас». Милый и наивный эскимос — это я, а кровожадный людоед-папуас — это он! На редкость неподходящая парочка, и тем не менее мы прожили вместе четыре года. Мне даже имя его не хочется вспоминать, и если я его когда-нибудь встречу, не узнаю. Меня ведь растили хорошей девочкой, а я связалась с нехорошим. Но я тщательно скрывала от родителей все трудности и хитро пресекала все попытки родителей прийти к нам в гости, иначе они меня сразу же забрали бы.

Я была девушка возвышенная и романтическая, а моя жизнь с папуасом оказалась страшной прозой. Он не только любил выпивать, но и устройства был подонистого. Мне приходилось очень трудно: я училась, денег постоянно не было, и голод костлявой рукой уже схватил меня за горло... Не знаю, как я выжила бы, не появись у меня в нашей коммуналке дружок. Рыжему соседскому коту в семье доставалось лучшее. Хотя его домочадцам приходилось туго, но они залезали в долг и кота кормили как на убой. Это меня и спасло! Коту томили на сковородке хамсу в ароматном подсолнечном масле, и она походила на шпроты. Возвращаюсь я однажды поздно вечером из института. Все спят, а кот сидит у миски и с аппети-

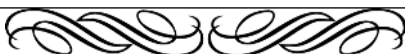

том улетает рыбу. Я его подвинула ногой, попробовала кошачьи деликатесы и с удовольствием все съела! С тех пор мы с ним стали делить трапезу. Я поправляюсь как на дрожжах, а кот, наоборот, тает на глазах. Перепуганная соседка понесла бедолагу к ветеринару. Тот его осмотрел, послушал и прописал витамины и уколы. Кот витамины ел, но все худел и худел. Тогда соседи срочно устроили собрание на общей кухне. На том собрании была и я, но признаться, что объедаю кота, не смогла. А остановиться не могу — выживать-то надо! Кота спасло только то, что я ушла из той дурацкой жизни.

А случилось это так. Папуас стал поздно возвращаться домой. Однажды его друг проговорился, что пьет он не у ребят, как я думала, а у особы женского пола. Меня это очень оскорбило, и я ушла к родителям. Он умолял вернуться, порезал себе вены и лежал в «Склифе», но я, если переворачиваю страницу своей жизни, никогда не перелистываю склеенные временем страницы...

Но если в истории с попыткой устроить личную жизнь точка была поставлена, история с котом имела продолжение. Однажды звонит мне соседка — она работала комендантом в женском общежитии: «Помнишь, как моего кота объедала? Пора отдавать долги». Кота, правда, уже давно на свете не было, но долг платежом красен. «Ты понимаешь, — говорит она. — Девки-то мои все лимитчицы. Денег нет, в любовь не верят, плачут по ночам, и одна даже грозитя повеситься. Помоги! Твой портрет, Лариса, у них на стенке висит. Поговори по душам...»

Я пришла. Рассказала девчонкам о коварном Славике, о писателе, который оказался женати-

ком, о спасителе-коте и о том, как безуспешно искала жениха. Девчонки взбодрились и даже подарили с любовью вытканый своими руками коврик. Он у меня до сих пор на даче висит. Кстати, никто из них не повесился. Так я отдала свой долг за кота!

Когда я выпуталась из оков замужней жизни, вернулась к прежней мечте — полюбить писателя! Но как его найти? Я все время старалась вырваться из своего круга, тянулась к высокому. Ходила на выставки, концерты, запоем читала произведения одного писателя, который тогда мне казался эпицентром мироздания. И однажды мне снится странный сон. Иду я по Коктебелю, а навстречу Он! И стал этот сон повторяться. Тут приближаются майские праздники. Мы с подружками скопили денег и решили рвануть на юг, в Коктебель, женихов искать! Все мы (а нам исполнилось по двадцать шесть лет!) уже успели побывать замужем и решились на вторую попытку. В Коктебеле пошли в ресторан. И — о чудо! — в страшно задымленном переполненном зале я вижу своего «небожителя». За его столиком сидел подвыпивший критик. Он встал, покачиваясь подошел к нам, трем молодым красавицам, и произнес: «Умоляю! Составьте нам компанию!» Так я оказалась рядом со своим кумиром. Но его внимание привлекла моя подружка, пышнотелая блондинка, которая постоянно уводила у меня кавалеров. Писатель повернулся ко мне спиной, обнял подружку за плечи и зашептал ей на ухо: «Я мечтал о вас всю жизнь!» Та кокетливо засмеялась: «Да? Ну тогда можете мне бутерброд икоркой намазать...», и он бросился выполнять ее желание. А я, замарашка, сидела рядом и смо-